

Подборка стихотворений Руслана Сидорова из юбилейного номера журнала «После 12» (Кемерово, №1–2, 2020).

* * *

Пережду с котомкой под кустом.
Что мне до потомков, до потом?
Мне сейчас бы разобраться, здесь –
что это? – уродом меж людей.
Кто они – вершащие дела,
одноклассники – теперь какой их класс?
Коль уродство – каинова меть,
маяться ль, что так мне не суметь?
Каяться ль? Изначить душу вкривь
эвфонией эвфемичных рифм?
Петь дельца паучий путь-прогресс?
Петь Тельца и в пальцах пальцы греть?

Нет. Сорочьих строк не сладок треск.
Мне иной – козырный – интерес.
«Медь звенящая, бряцающий кимвал...»
Месть насмешек не страшной похвал.
...запеку картошки под кустом,
не пойду попутчиком в потом.

* * *

Только море способно взглянуть
в лицо небу.

Иосиф Бродский

Я на коне не скакал ни разу.
Не водил мотоцикла, автомобиля.
И, хотя были приятны глазу
горы, не с теми, кто восходил, я.
И только реки меня носили,
нам по пути: сверху вниз стекали.
Уж сколько силы у рек России –
а вниз, что поделать – судьба такая.
Кому-то кони, автомобили,
кому-то горные эмпиреи,
кому-то счастливое: «Жили-были...»
А мне бы морем стать поскорее.

* * *

Снег идёт, потихоньку идёт, и день
потихоньку проходит. Часы везде
равномерны, но своенравный стук
сердца мерит мирным свою версту.
Из надмирья сыплет песком воды.
Там свои счета, здесь свои следы –
бело-рваной нитью прошита связь.
В непрожитой этой никто не свят –
по снегам ходить, по воде писать.
Ничего нельзя никому сказать,
что бы было правдой наверняка...
Снег идёт, как шёл до того века.

Сонет

Меж серых изб и неба цвета серы
мне видится невидимый зазор:
уйти от рифмы зрительной «позор»
и рифмы вкривь неправильной «Рассея»,
где (без кавычек) любя, надя, вера
прошлись по жизни поступью босой,
свежи, чисты, но это ли не сон?
Не пачкали, как в холле пионеры.
Гармония?.. Раз – грязная изба.
Два – треснутое жёлтое окошко...
Гармония? Здесь даже нет гармошки.
Я на губе играю, и судьба
фальшивит жизнь, которой так немножко,
и слышится неслышная труба.

* * *

Я не видел Альп и Гималаев,
Каракум не видел и Сахары.
Под окном моя цепная лает –
просит белый сахарный сухарик.
За оградой банька с огородом,
под которым прыткая речушка.
Не гулял я Римом благородным
и французской кухни не расчухал.
Не купался в Средиземном море,
слышал звон: Гавайи и Багамы.
Червячка сморивши «Беломором»,
научался нищим жить богато.
Для чего так жить? – Ответа нету.
Книжный шкаф – Вергилий и Сусанин –
в ночь ведёт меня по белу свету
и от света чёрного спасает.

* * *

Я вспомнил детство и отца...
Есенина зелёный томик
читает, курит без конца.

Зубами скрипнет – и на столик
отложит книгу. Посидит,
ладонями лицо закрывши...
Мне было года два, поди,
но вот глаза закрою – вижу.
И первая любовь к стихам
моя – конечно же, Есенин.
На розовом коне скакал
под кущею зелёной сени
годов, наверное, с восьми –
сейчас уже не помню точно.

.....
.....

Прошли года... Сейчас и здесь
уже ни в чём врага не вижу,
но я наполовину есть –
из этой самой первой книжки.
И... хорошо. Спасибо, жизнь!
Тобой недаром был корёжен.
Заканчивая ностальжи,
Вас процитирую, Серёжа:
«Вот и себя я не сберёг
Для тихой жизни, для улыбок.
Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок...»

* * *

Писать о том, что знаешь: о дождях,
напитках алкогольных и горячих,
о том, как покидают, не дождясь, –
что знаешь то, что ничего не значит.
О том, что ты из жизни прочитал,
усвоил и теперь своим считаешь,
о том, что жил бы этак или так...
Как было нужно – до смерти не знаешь.
О том, что врёшь, «не знаю» – говоря,
о зависти, о подлости, о слове,
о том, что день грядущий мне готовит
языческую бедность словаря.

О безднах, разделяющих людей,
о небесах, для большинства молчащих,
о том, что можно быть счастливым здесь,
о даре жизнь раздаривать несчастьям
ради письма вилами по воде.

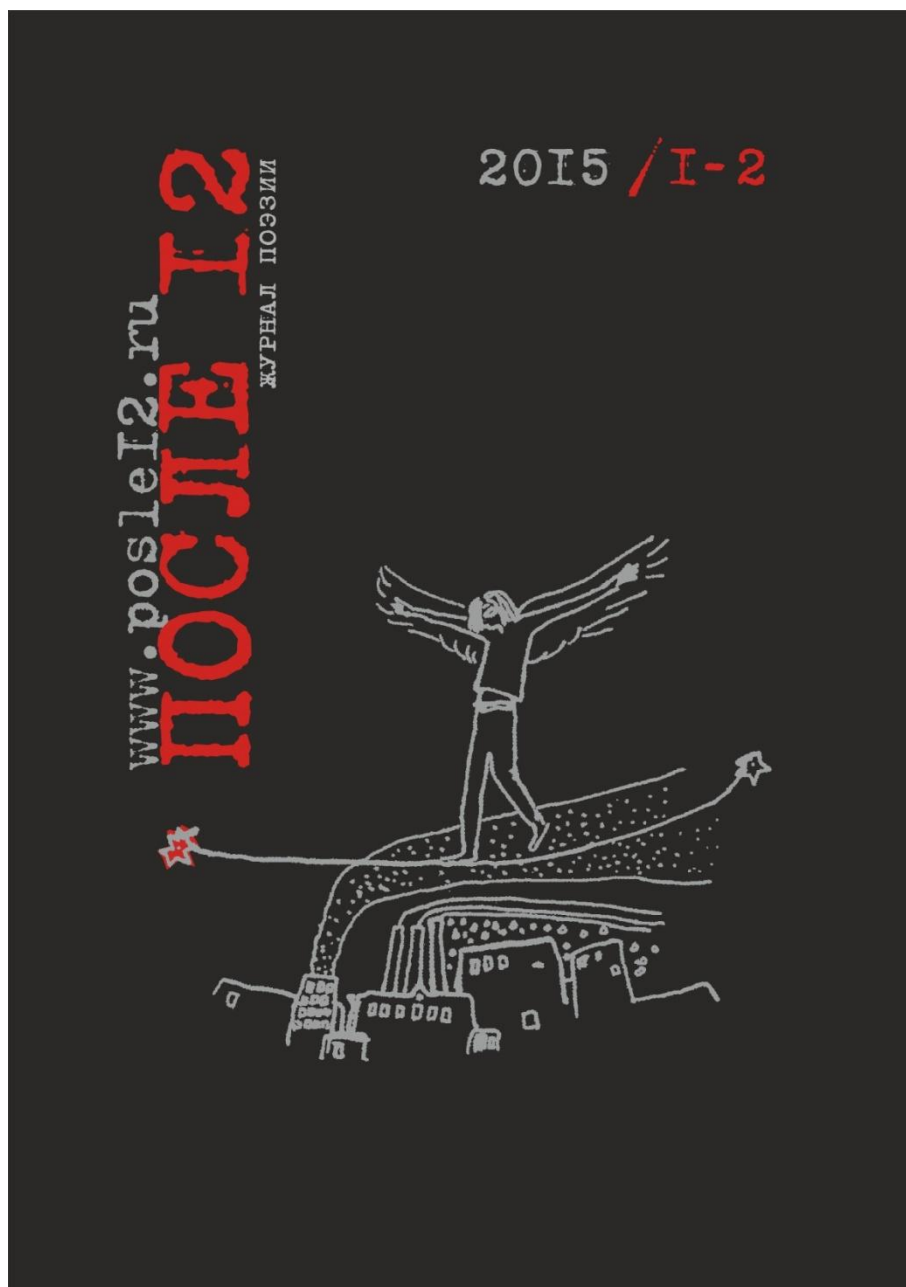
* * *

Коль красоты я не достиг,
красивости пора забросить
и перейти на тот язык,
что беден, как октябрь. Осень –
давно классический пример
(смотри А.С.) для стихотворства.
Прозрачный и холодный воздух,
и рядом красота и смерть.
Писать, что вижу и живу,
заметки на ветру и раны.
Быть глуповат, как Голливуд,
и прям, как луч, и прост, как правда.
Пусть кто-то скажет: не стихи...
Но боль не лжёт: ни так, ни в рифму.
Кто жил на хлебе с маргарином,
тот и в гурманстве слов не хитр.

* * *

Идёшь, собачий лай минуя.
В лицо кусается зима.
И одесную, и ошую –
одноочитые дома.
Темно. И вкусно пахнет снегом,
негородским и молодым.
Из труб, искрясь, уходит в небо,
как детство, первобытный дым.
Днём скудно. Ночью слух и запах
славянофильствуют, служа
воображению, и запад
зарезан месяцем ножа.
Земля Сибири – не Рассея,
но небо общее, прикинь! –

ведь это Клюев и Есенин
швыряют с Млечного «снежки».
Попали. Воротник от снега
отряхиваю и, смешок
в душе упрятавши, «снежок»,
как детство, возвращаю в небо.

Руслан Сидоров

Я не видел Альп и Гималаев. Подборка стихотворений из журнала «После 12» (Кемерово) №1-2, 2015 г.

***

Я не видел Альп и Гималаев,
Каракум не видел и Сахары.
Под окном моя цепная лает –
Просит белый сахарный сухарик.

За оградой банька с огородом,
Под которым пряткая речушка.
Не гулял я Римом благородным
И французской кухни не расчухал.

Не купался в Средиземном море,
Слышал звон: Гавайи и Багамы.
Червячка сморивши «Беломором»,
Научался нищим жить богато.

Для чего так жить? – Ответа нету.
Книжный шкаф – Вергилий и Сусанин -
В ночь ведёт меня по белу свету
И от света чёрного спасает.

***

По жизни не был подмастерьем
Ничьим. И метров цеховых
Не чтил. Но жил одной артелью
Лишь с книжкой, полною живых.

***

Молочно-розовое солнце
Над белою рекой.
Будильник птиц сломался в соснах.
Буддизм. Покой.

И даже спичкой чиркнуть страшно.
Тонка, нежна,
Раскрашена молочно-красным
Сплошная тишина.

***

Тоска и скука. Скука и тоска.
Как день и ночь. Как день, и ночь, и вечер.
Унылый человек увечен.
Айда, душа, отдушину искать.

Пройдись по книжным полкам. Ну и что ж,
Что здесь была, была уже не раз, но
Прекрасное всего прекрасней в том,
Что возвращение к нему прекрасно.

И день и ночь. И день и ночь. Прошли.
Глаза устали. Засыпаешь в кресле.
Мы косвенные люди для земли.
Но всё ж до понедельника воскреснем.

***

Можно стать тише, тише, ещё потише
Шёпотом пыльной травы, листвы, ты слышишь?

Это ж июль. Жара. Солнце льётся, льётся.
Разве что два ведра, вытащенных с колодца

Вынудят вскрикнуть. Но вновь наступает тихо.
Точно в немом кино: блёсткая гладь, пловчиха,

Ива, носки, трусы, взвешенные на ветках,
Тапочки, в них часы и ключи. И ветра

Можно прождать всю жизнь. Леня доходить до глади.
Перевернись. Лежи. Подушкой – лист тетради.

***

Нас пустила бабушка на постой.
Разложила парами по углам.
Сколько лет прошло? Тридцать? Сто?
Я не помню. Но помню, что – тыбыла.

Тыбыла – это слово. Его создав,
Творец увидел, что – хорошо.
Тыбыла – в сене. Тыбыла – звезда.
В косном горле комом застрял стишок.

Не люблю эпитетов: тыбыла.
Сущим существительным: тыбыла.

Наречённой собственной: тыбыла.
Я имею право иметь крыла.

***

Пространство легко и открыто –
Сентябрьский солнечный день,
Осеннею молью побитый.
Лист плавает в хладной воде.
И радостно, даром шагая,
Растрачивать времени скарб;
И чёрные галочки галок –
Как метки на синьке листка.
Листок записать и заполнить,
Запомнить и не забывать:
Сентябрьский солнечный полдень
Махровою охрой листва.
Чтоб позже, в остуду и слякоть,
Горе воздавая, прочесть,
Что жить хорошо – низачем
А смерть... – так и нечего плакать.

***

В Сибири. Летом. Жарко. Ты – лежишь.
Река – бежит. Тайга – стоит. Погода –
Безоблачна. Безлюдно. Ни души.
Бесчеловечно царствует природа.

Здесь ты – весёлый раб. Ты червь песка.
Малёк воды. Молекула блаженства.
Сознания беззвучность. Из движенья
Лишь жилка голубая вкривь виска.
Лишь крылышки дневного мотылька.

Душа гуляет

Косое солнце в утреннем лесу,
Играют в краски радужные листья.
Вновь напоказ выносит на весу
Рябина несгораемые кисти.

С пригорка в лог спускается туман,
Не устояв пред наступленьем света.
В субботу осень. Через день – зима.
Но пятница сегодня – бабье лето.

И ни о чём не хочется просить,
Настолько всё дано сиюминутно
Но Боже мой, как дьявольски красив
Твой чёрный груздь под росным перламутром!

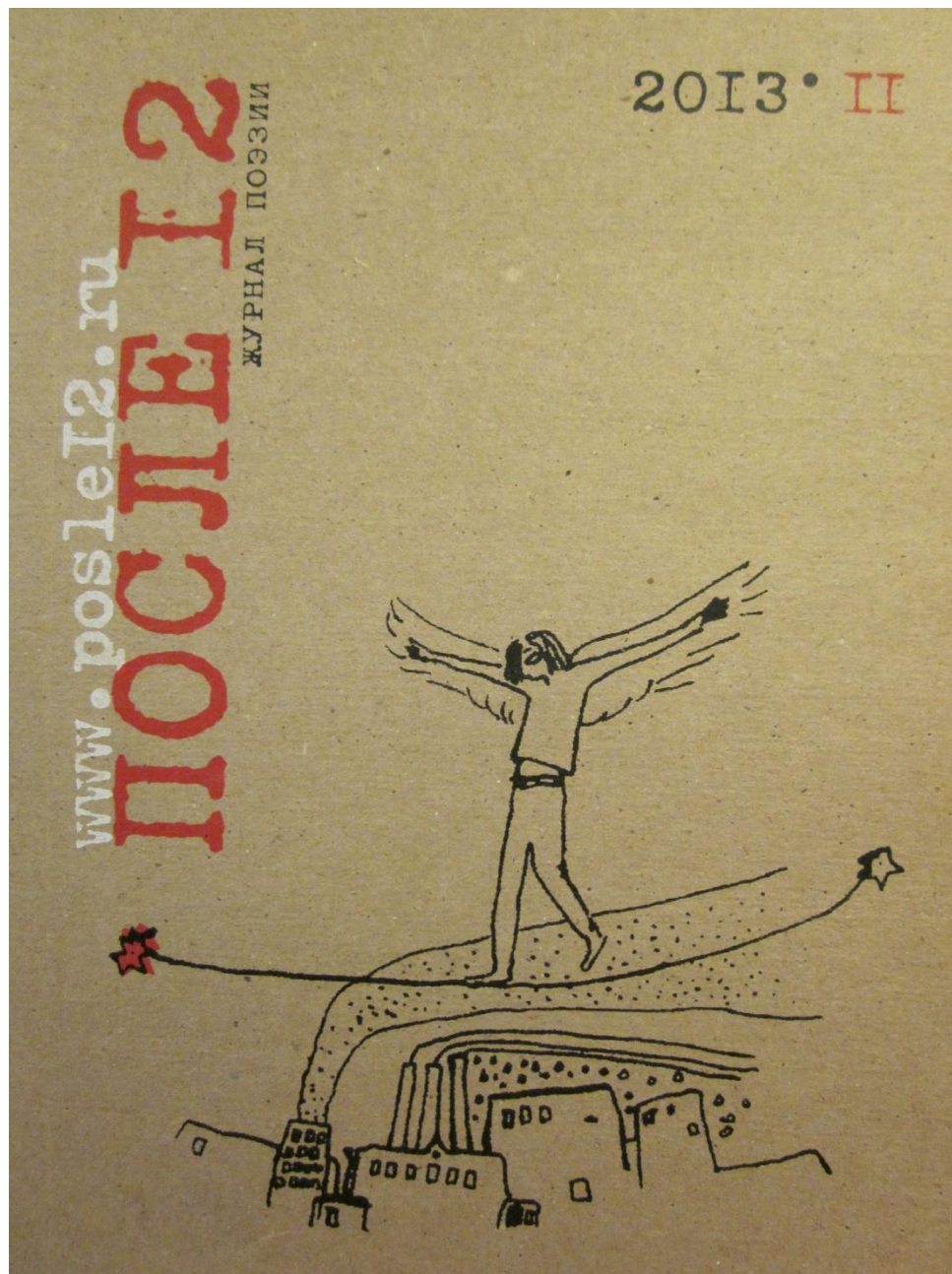
И мухоморов красные цветы –
В Валгаллу приглашающие двери.
Как просто быть счастливым, если ты
Не просишь, не надеешься, не веришь,

А просто в осень мимо суеты
Идёшь без грусти. Грузди приземляют
Коленопреклонён телесно ты.
Душа гуляет.

***

Весь день среда как будто бы стоит.
Часы идут как будто бы вперёд.
В пустой машине – толстый индивид.
И музыка прекрасная поёт.

Из школы выбегает малышня.
Выгуливает таксу старичок.
У Таньки близнецы – не от меня.
Не знаю, что могу сказать ещё.

Руслан Сидоров

Подборка стихотворений из журнала «После 12» (Кемерово) №2, 2013 г.

***

Я сегодня проснулся и выпил свой чай.
И пошёл на работу. И опять опоздал.
И небо, прозрачное, как печаль,
Спросило: «Ты мой?» – я ответил: «Да».

В общественном транспорте тесно, тепло,
Как в сердце, которое полно любви.
Между мною и небом – только стекло.
Выдернув шнур, на стекло надави.

Ничего не нельзя. Всё можно.
Рукою достать до звезды или выпить море.
Сердце бьётся ровно и мощно,
Как волна океана о спинку мола.

Если спросят: «Что такое весна?»,
Отвечу: «Весна – это время года,
Когда поутру, смыв остатки сна,
Первое, что помыслишь: любовь и свобода».

И «красота спасёт мир» – не просто слова.
И верой действительно сдвинешь гору.
И мысль о том, что живём снова,
Не имеет отношения к горю.

И можно идти, идти и идти,
Не зная куда, за тем, чего нет. И
«Все пути ведут в Рим» – враки. Если летишь –
Все пути ведут в небо.

***

Здесь мы боялись сначала
Подъёма, сержанта с диким
Ртом, командира части;
Удара, голода, крика.

Там мы боялись рифмы
ЭсэСэСэр с БэТээРом,
Который горит, и внутри мы –
Вчерашние пионеры.

Потом уставали бояться
Смерти, живущей с нами, –

Боялист пули по яйцам
От прибалтийских снайперш.

Теперь же душа безмерно
Боится, – а вдруг да есть
Мир, где она бессмертна,
И мир тот похож на – здесь.

***

Пляспигали и елисеи
Мне ни разу и не приснились,
Но со мною случались книги,
И я тоже случался с ними.
Христианчики или ессеи
Никуда мне не упирались,
И совсем я не знал Рассеи,
Но Сибирь хоть немного знаю.
Лучше всех здесь – ранняя осень,
Бабье лето с шалью навывпуск.
Перекличка: банты и косы,
Пиджачки пацанов на вырост.
Небеса, окосев от света
Перед мрачностью туч грядущих,
Греют спины листвы и веток,
Заодно согревая души.
Птичий компас – к югу на небе.
Нувориши уже отбыли.
Я живу на юге Сибири –
Юго-западе, если точнее.
Вспомни юг, когда дунет вьюга,
Вспомни запад, в сугроб сморкаясь.
В елисеях – они не пьют там
Самогон гранёным стаканом.
Этим хвастаться – мимо денег,
Я к тому же – мёртво-непьющий...
Просто нечего мне там делать.
Абсолютно и вопиюще.

***

Не хитри, убегая от Дхармы,
Ты, куда ни скачи, – всё – она.
А не взять ли оккамовский скальпель
Да отчикать сомнения на?
Стать внимательным, чтоб быть ведомым:
Серебристую звёздную нить
Не терять... Ариадна ждёт дома:
– Я слегка опоздал? Извини.
– Где ты был? – Ты спроси, где я не был.
– Где ты не был? - На небе. - Что вдруг?
С лабиринтов подполья – до неба
Не пройти мимо ласковых рук.
– Ты надолго? – Вопрос некорректен.
– Кто ж корректор? – Кто знает, мой свет...
– Кушать будешь? – Угу. – А покрепче?
– Чай... Покрепче! – Хороший ответ.
С милой милой. Все истины голы.
Лбом об пол. Удлиняется тень...
Напророчил волшебным глаголом:
Долго жить. Умереть в один день.

ЗИМА

Луны полновесная алыча.
Ровно 12. Часы звенят.
И чпок, и бульки, и глык, и чавк...
С Новым годом меня!
В одной – стакан, в в другой – компот;
Перерывчик классический – небольшой;
Чего пожелать себе в Новый год?
Чтобы всё так же, – всё хорошо.
По левую руку сидит Аполлон,
По правую Бахус – ну что, за нас?
Сирень-фейерверк сверкнул за окном.
Новый год. Тишина.
Ветка от ёлки; на ней висит
Огурец – самосад.
Питие есть веселие всей Руси.

Владимир Святой сказал.

Говорят, как встретишь, – так проведёшь.

Да я согласен на – так.

Сейчас покурим, Музу найдём,

Не вопрос – уболтать.

А вот нас четверо:

Муза, я, Бахус и Аполлон.

Как ни крути – одному, друзья,

Встречать Новый год – запахло.

Луны полновесная алыча.

Стакан о стакан звеня, –

Самое время за счастье сейчас:

С Новым годом меня!

ВАРИАНТЫ ВТОРОГО ПРИШЕСТВИЯ

Подступает время эпилога.

Это ясно. Как тут ни крути...

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.

Бог пустыне говорит: «Расти!»

Слышал я звезду, что говорила:

«Скоро нам с тобою – Эпилог».

Гаснут люди, свечи и светила.

Меркнет свет. И наступает Бог.

БЕЛЫЙ СТИХ

Забелело. Заболело.

Надо с ада в райбольницу.

Яблонь белые одежды,

Добрый доктор на крыльце

Встретит мёдом с молодой

Раскрасою-райсестрицей,

С небольшим небольшим шприцем,

С милосердьем на лице.

И на твёрдом деревянном

И под думочку-подушку

И под капельницей-плаксой
Ваве сделают кирдык.
С книжной райбиблиотеки
Про красавицу лягушку,
Про урода цветовода
Всё пройдёт, как с яблонь дым.

***

Ещё с утра хотел о главном я,
О чём – забыл и, хоть убей, не помню.
И бьют часы в детсаде бытия.
За полдень день. И детям подан полдник.

А значит, скоро звёзды зажигать,
Кому-кому, а людям это нужно.
Но перед тем, как навсегда в бега,
Отметить дембель, дать прощальный ужин.

Чтоб весело: вино и мишура,
И по-английски, посреди танцулек,
Взглянуть на время и узрев: пора,
Не попрощавшись, ускользнуть с инсультом

В одну секунду. Всё. Хотел про рай
Вам написать. Забыл. Не написалось.
Танцуют все. Взошла звезда с утра.
Поёт певец небес по-над детсадом...

***

В свободное от алкоголя время
Возращаваю дух, лелею мудрость.
Задумчиво брожу в лесу на лыжах.
Мне свиристель споёт. Я ей спою.
Мороз и солнце закусает – в баню.
В горячие берёзовые розги.
Маркиз де Сад и Захер-Мазох сдохнут
От зависти, от Цельсия за сотню,
От брейка голопузого в снегу.
Потом лежишь в крахмалах простыней

И смотришь, что несёт поток сознания:
Жизнь, смерть, бессмертье, Достоевский,
Марина из 8-го «А»... Прикольно...

***

В театре жизни не актёр, но зритель,
Я знаю: если пьеса надоест,
То можно встать, пойти в буфет и выпить,
Поесть.

Вернуться через час, а может, годы
И посмотреть на сцену, и найти,
Что пьеса та же, те же лица, моды.
Уйти.

ИОСИФУ БРОДСКОМУ

Ты Дедал мой. И то, что ты дал мне – моё.
Не отдам, но с охотой большой потеряю.
Ибо чем веселей в полдень золото льёт окоём,
Тем и искус сильней – улететь за границы окраин.

Чем же голоса медь отличается в сущности от
Труб архангела? – только одним: направленьем.
Он сюда. Мы отсюда. И встречу ускорит полёт.
И без устали сердце сечёт синеву с ускореньем.

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ. РАЗГОВАРИВАЯ САМ С СОБОЙ

Раз и два, и три, четыре, пять.
Заяц возвращается с прогулки.
Ходят кони над рекою. В гулком
Предночном подлунные летят...
– Кто летит? – Допустим, комары.
– Или птицы. – Птицы?.. тоже можно.
Новолунье цедрою лимонной.
Пёс, зевая возле конуры,
Чешет ухо третьею ногой.

Третья нога? Ты чё, Боб Марли?
– Подожди...
Вечерошний надой
В банке трёхлитровой и под марлей.
– Слушай, с чашелистиками? – Без.
Пять минут на перебрать малину.
С молоком хлебать. Тепло. Лениво.
И чуть-чуть лимонно от небес.

***

Пригород, город... а так ли важно?
Главное, небо здесь
Колыхается над овражками
Как золотой крест.

Выйду под солнце, захлопну квартиру,
Словно старый альбом.
Город мой, беззаветно мирный,
В вечность упёрся лбом.

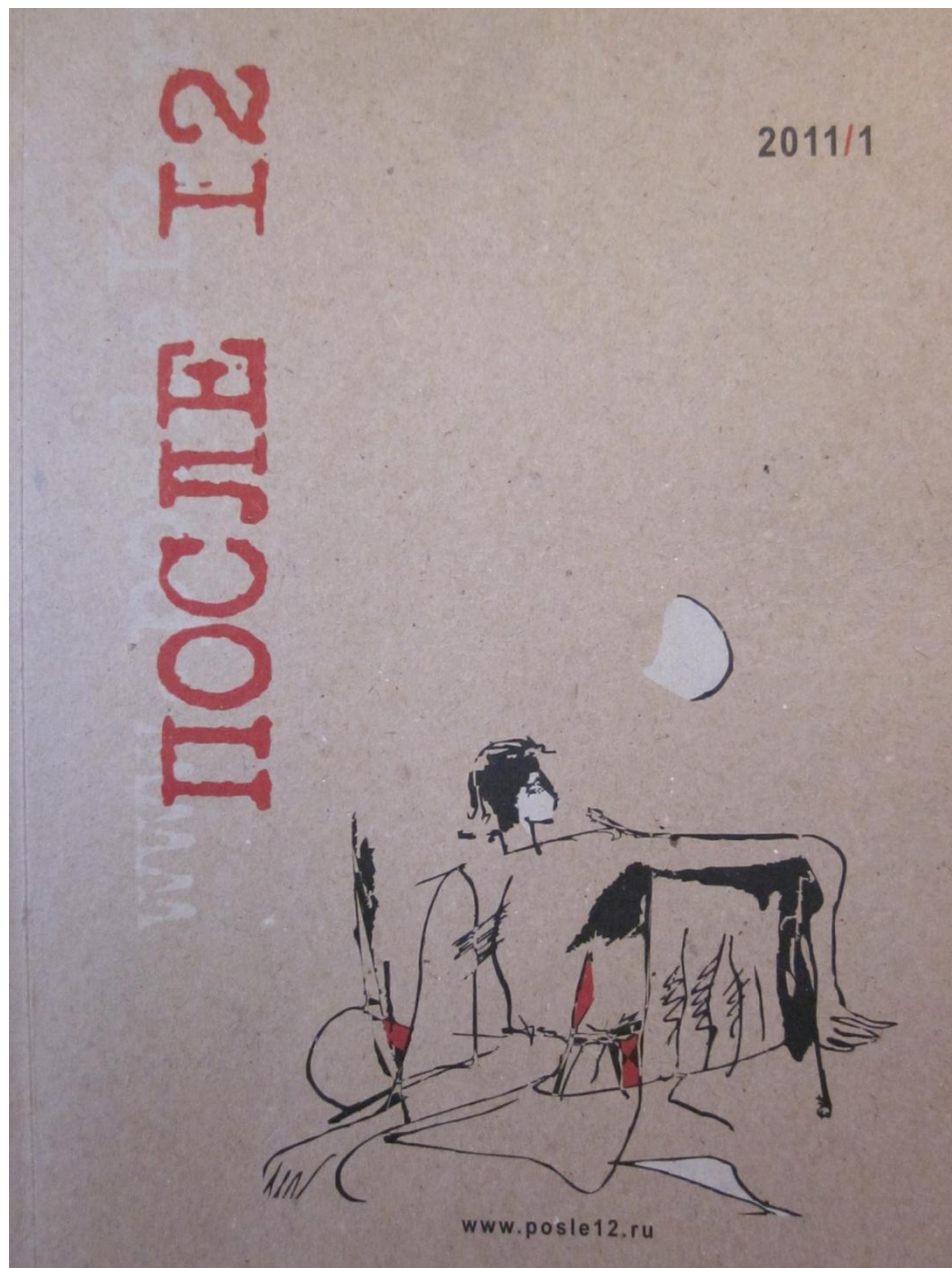
Старые улицы и тротуары
Против движения стен
День изо дня убегают в старое
Тихое царство растений,

А по зелёным заборам и крышам,
Солнцем прожаренным,
Разлетаются жёлто-рыжие
Капельки солнечной ржавчины.

Бойко под ноги бежит брусчатка
Улицы, а по дворам
Счастливая и веснушчатая
Бегаёт детвора.

И новый мир за каждым забором,
И к небу давно поднята
Старой башни водонапорной
Красно-кирпичная статья.

Пригород, город... совсем неважно!
Я за один день
В нём перестал навсегда сомневаться,
Ведь главное – небо здесь!

Руслан Сидоров

Подборка стихотворений из журнала «После 12» (Кемерово) №1, 2011 г.
Публикуется в сокращении: со стихотворением «Импрессия сирени. Утро.
Сад...» можно ознакомиться в публикации альманаха «Кузнецкая крепость»
№1, 2014 г.

ЗАРЕМА

Богиня была без сорочки,
А я – то ли бард, то ли рыцарь –
Укладывал в стопочку строчки,

Ни много, ни мало, штук тридцать,
Связуя их смыслом и рифмой.
Сюжет – единение наций –
Предложен был тюркской певицей –
Богиней, означенной выше,
Пари проигравшей. Но всё же
В искусстве другом победившей.
Ничья. Не моя. Тем – дороже.
Вот так, на словах и на деле,
Христьянство роднилось с исламом
Легко – за столом и в постели.
И честь нам за это, и слава.

***

Бегущий навстречу солнцу
Падает на бегу...
Такой привиделся сон мне.
О чём – понять не могу.
Кто он – бегущий к ночи,
Видный лишь со спины,
И то из-за крыльев – не очень...
Что они значат сны?

***

Эту осень я прожил.
В отличие от прежних,
С головою был дружен и печень щадил.
Ничего мне не светит.
И даже не брезжит.
Земляная постель.
Ворох листьев чадит.
Недрожашей рукою
Держу авторучку,
Вопрошаю: откуда
Живёт во мне жизнь?
Отрывается лист от родного
И кружит, и кружит...
И кружит, и кружит, и кружит...

И ложится на землю,
Исписан чернилом
Синих звёзд и дождей,
Посвящая земле
Свой последний полёт;
И последняя милость –
Одному,
А не в ворохе общем истлеть.

***

Строка к строке – так лязгают затвором.
Вот: пары слов – в патронник, ствол к виску,
И вышибаешь из мозгов тоску
Чернильных брызг и телеразговоров...
... и вместо пустоты вмещаешь Слово.

***

Стих должен быть конкретным и простым.
А впрочем, стих не должен никому.
Не должен быть затейливо пустым,
Понятным лишь эстету одному.
Одной эстетке. Важному жюри.
Неважному жюри. Так голый нерв
Впрямь, без метафор, с сердцем говорит,
Доходчиво, мучительно вполне,
И сердце плачет...

***

Пока я трезв, я должен записать
Про то, что славно просыпаться трезвым,
Смотреть: зарозовели небеса,
Чай заварить, сыр к бутербродам резать.
Не мучиться воспоминаньем, не
Бояться белочки с алмазными зубами
И девочку, красивую вполне,
Что спит, во сне чему-то улыбаясь,
Будить: «Вставайте, барышня», – и ню
Стыдливо простынёю прикрывая:
«Который час?» – «Уж вечность». – «Ну и ну...»

Пока я трезв, и не один, и свами,
Я запишу – не то забуду я,
Что счастье есть: пить вкусный чай и просто
Смотреть, как торопливо макияж
Набрасывает девочка-подросток.

***

Мне Психейка, во психушку
Расхотелось. Не реви.
Я не дам тебе чекушку.
Пусть уж лучше от любви.
Но душа как заводная,
Деньги – на! Купи вина.
Ей-то что: она-то знает,
Что бессмертная она.

***

Шёл по жизни один господин,
Господин один.
Вместе с ним – одна госпожа,
Госпожа-душа.
Не дошли они ни до лавров,
Ни до седин,
Потому что шли никуда,
Да и не спеша.
Но всегда-всегда,
Куда ни направят шаг,
По пути им вдвоём одним
К одному идти.
Господин один
И одна госпожа
Шли, теряя себя
И стихи по пути.
Плагиат, говоришь? -
А попробуй его прожить.
Вот тогда и скажешь мне -
Плагиат иль нет.
Да и то сказать: кто-то должен же
Шар кружить.

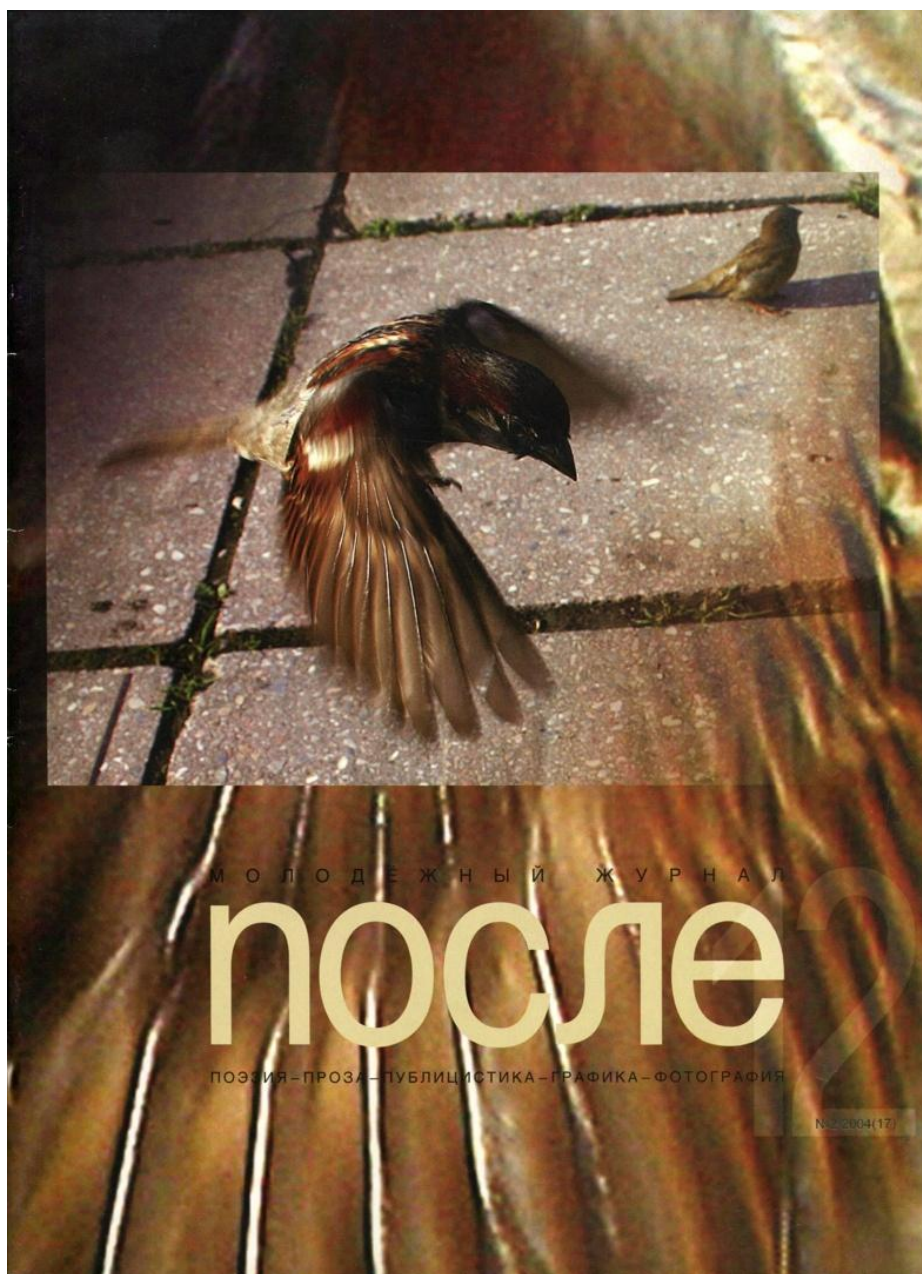
Господин один. Госпожа одна.
Не один поэт.

***

Всё уже. Всё ужаснее круги.
Уже всё знаешь.
Но всё равно от жизни не беги.
Она земная,
Единственная, штучная. Она
Неповторима.
Пусть ночь темна. Пусть ночь темна-темна.
Звезда горит нам.
Рождённому под красною звездой
Не Вифлеема
Не привыкать ко многому, вплоть до
Тепла Геенны.
Всё уже. Всё ужаснее, а жизнь
Пусть будет всё же.
Зачем? Затем, что Бог непостижим,
И тем дороже
Мне знания...

***

Октябрь, но утро – поётся.
Тепло и светло на ветру,
И кажется даже (О ЁПТИТЬ!),
Что я никогда не умру.
И кажется даже, что ближе
Мне (Боже мой!) небо, чем жизнь...
... Я синие-синие вишни
К дуэли в фуражку сложил.

Руслан Сидоров

Подборка стихотворений из журнала «После 12» (Кемерово) №2, 2004 г.

***

За стенкой спал ребёнок. Ночь плыла:
Негромко, осторожно, постепенно...
И тишина почти не умерла:
Лишь тихо-тихо скрипка пела...

Звезда сорвалась и упала вверх,

Адажио за престо обрывая;
И, очередь избыв, душа живая
Ждала рожденья чуда: человек.

***

Так по-новому жить захотелось,
То ль обратно земля завертелась,
То ли в небе высокие звёзды
Растасованы в красный расклад.
То ли просто: беда затянулась
Сигаретой, и вдруг улыбнулась
И сказала: «Ого! Уже поздно.
Извини. Мне пора». И ушла.

РЕПЕТИЦИЯ

Какая безделка: люблю, не люблю...
Допустим, но это не важно.
Мы плавали вместе – хвала кораблю,
Что чист и хлопчатобумажен.
Люблю, не люблю... Те слова навсегда
Изъял из судьбы лексикона.
Какие там слёзы? Простая вода.
Был дождь. Я курил на балконе...

МИНИМАЛИЗМ

В велосипедных спицах солнце
Умножено – отражено;
И подо мной оно несётся,
И надо мной летит оно.

И я, с ума сошедший в детство,
Парю на розовых кругах,
Вчерашнего дождя наследство
В алмазный бисер распугав.

Немного мне для счастья нужно.
Я с ним немного, но знаком:

Немного солнца в тёплых лужах
Да хлеб с холодным молоком.

***

Телесен вечер тесных тёплых встреч
Скворцов с землёй, земли с зерном и небом.
И ласкова вокруг родная речь,
И хлебный квас – кислинкою по нёбу,
И всё... «И всё? Ради такого жить?»
«А разве мало?» – и ладонь на губы...
Багрово-красной нитью вечер шит.
Так... нежно... нежно-нежно... нежно-грубо...

АРЬЕРГАРД

Что ж, в арьергарде мне не тесно,
И не затылки вижу я,
А горизонты, свод небесный...
Не заглушает толчея
Мою любительскую лиру.
Лаврушку – в суп. Парнас – я пас.
И в тетрапаке с-под кефира
Горит моё созвездье астр.

ПОЧТИ ДО СЛЁЗ

И было весело до слёз,
И розой цвёл туберкулёз,
Кружилось нежное безумье
Сырым апрелем над землёй.

А под мостом пошла река,
Аптека жизни. Облака
Так далеки и поднебесны,
А неизбежность так близка.

Осветит ночь фонарь луны.
И фонари позажжены.
И я покину мост, покинул,

Чтоб дальше спать и видеть сны.

ПАМЯТЬ

О. М. и всем

– Когда ты поймёшь, что все хорошо,
Не надо ломать и строить?
Солнце упало, месяц взошёл.
Небесное и земное –
Всепереход и круговорот:
Волны качают мячик,
Маятник влево ли, вправо идёт,
Всё хорошо, мой мальчик.

– А не пошёл ли бы ты вон туда,
Если тебе всё равно?
Я ж не китаец, понял, балда,
Что мне те Дао-мао?
Мне алфавит аршином души
Ладанка жжёт и лечит.
В этом мешочке ладан зашит,
И вперемешку – пепел.

***

С subtilной стильной сигареткой
Наперевес, верней крест-накрест,
Стихи парнасская соседка
В Стихиру загружает... Настя,
Какой там к ляду рейтинг-шмейтинг?
Стих вопиющего в Сибири,
Сам по себе: душевный шейпинг,
Здоровый дух и психобилдинг...
... а если знаешь, что немного
Хоть кто-то, где-то, как-то любит,
То можно выжить и до гроба.
Чего и вам желаю, люди.

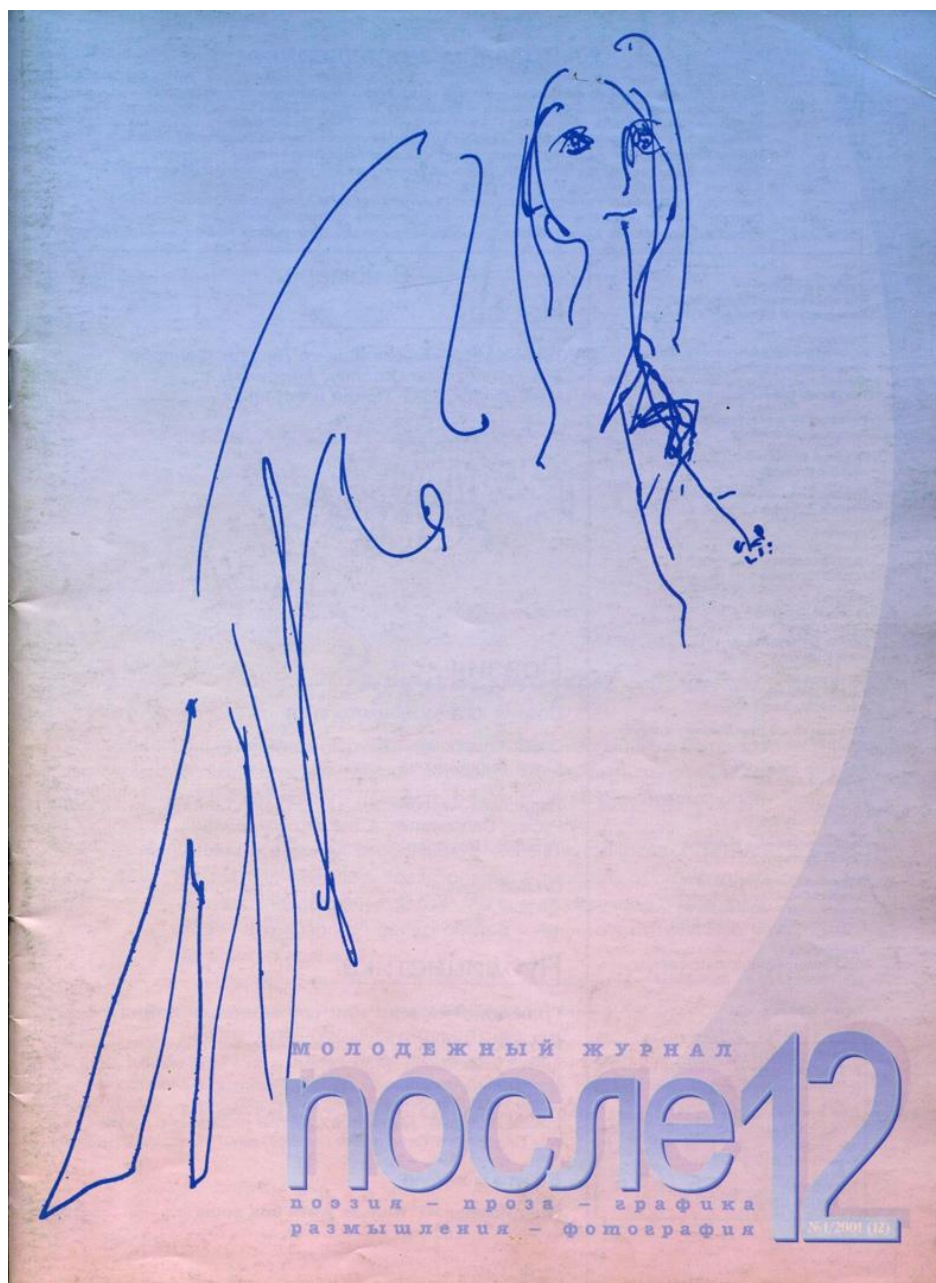
***

Хочешь звёздное небо увидеть днём?
Сквозь лист зверобоя на солнце смотри – вот и увидишь.

А хочешь ещё и Бога увидеть в нём?
Фигушки, братка, слишком многого хочешь.

РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ

Запах прохлады и рыбы,
Зелень хвои и синицы,
И отражённая глыбень
Тверди в зеркальной странице:
Озеро – как по лекалу –
Правильный эллипс – случайность?
Тот берег – скудные скалы,
Этот – сосняк и песчаник.
Десять шагов от палатки –
Лес, наступают маслята.
Густо, душисто и сладко
От земляничной поляны.
Полдень и лень. На песочке,
Под душегреющим рондо,
Мысль о курортностях Сочи
Кажется просто порочной.
Рай и один, лещик плещет,
Скалы молчат, сердце бьётся...
Дорог мне рай человеческий,
Ибо на время даётся.

Руслан Сидоров

Подборка стихотворений из журнала «После 12» (Кемерово) №1, 2001 г.

* * *

Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без розовых погон –
таких давно уже не шьют.

Мы прошагали на перрон,
Оркестр сыграл нам бодрый туш,
И юный ротмистр Бальмонт
Нёс романтическую чушь.

И мы заполнили вагон,
и «брехунок» оповестил,
что поезд на Парнасский фронт
отходит с третьего пути.

Ходили фляжки по рукам,
и пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
молчал нам о передовой...

Прошли года, а не война,
кто вышел в чине, кто погиб,
а кто сказал «анахмнена»
и от своих побёг к другим.

Передовая, тишина...
Парнасский фронт ночами тих,
и поседевший старшина
в хрущёвке тесной пишет стих.

Он собирает свой призыв
в опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
он составляет строфу так:

«Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без розовых погон —
таких давно уже не шьют...»

***

Я сегодня проснулся и выпил свой чай.
И пошёл на работу. И опять опоздал.

И небо, прозрачное, как печаль,
спросило: «Ты мой?» – я ответил: «Да».

В общественном транспорте тесно, тепло,
как в сердце, которое полно любви.
Между мною и небом – только стекло.
Выдернув шнур, на стекло надави.

Ничего не нельзя. Всё можно.
Рукою достать до звезды или выпить море.
Сердце бьётся ровно и мощно,
как волна океана о спину мола.

Если спросят: «Что такое весна?»,
отвечу: «Весна – это время года,
когда поутру, смыв остатки сна,
первое, что помыслишь: любовь и свобода».

И «красота спасёт мир» – не просто слова.
И верой действительно двинешь гору.
И мысль о том, что живём снова,
не имеет отношения к горю.

И можно идти, идти и идти,
Не зная куда, за тем, чего нет. И
«Все пути ведут в Рим» – враки.
если летишь,
все пути ведут в небо.

***

В шапочке из белого войлока
прошагать по улицам города,
воротиться в пустые комнаты,
(дань акустике) слушать музыку...

Выпить чай, почитать хорошее,
не пытаться ни Ицзин, ни зеркало.
Так и жить до поры до времени,
удалившись от ливней лишнего...

Выкроить из личного чёрное,
ничего плохого не трогая.
В шапочке из белого войлока,
не запачкавшись чёрным городом...

***

Город – фундамент кости ЗэКа,
воздух отравлен и та река
как Апокалипсиса строка.

А раньше Аба была глубока,
плыли в зеркальной воде облака,
топил поплавок пескарь.

И воздух у речки, настоенный на
траве зверобое, тимьяне... Вина
пьянее был, – но не достался нам.

***

Это место нашего с тобой... детства(?)
Моего и твоего детства.
Время, от которого некуда деться,
здесь предаётся бездействию.

Ничего не изменилось. Тот же ручей, тот же камень,
тот же гаммарус в ручье... Река лишь
чуть обмелела, но ясно, что это
следствие слишком сухого лета.

Клёкот кобчика взвился и оборвался,
запад прячется в розовой вате,
а ветер рвёт одеяло с неба
и приносит запах домашнего хлеба.

Хлеб, молоко и мёд и... Не знали о Шелтоне
в ту пору, в эти места зашедшие,
а вернее, заплывшие, – как не знали
об абортах, запоях, изменах, смертях, безнале...

И в этом незнание была чистота и сила,
что теперь порастрачены временем, всем, что было...
Спальник стелю на пихтач, там, где они стелили.
Где думали, что любили, и, как теперь ясно, – любили.

***

Воскресенье. Завтра на работу.
Подлый труд, по сути, рабский труд.
До рожденья проклятые Богом,
приговор: «Не покладая рук...»

Чтобы вкус отбить к плодам познания,
хитроумней чёрт бы не сумел,
люди в промежутках между снами
трудятся – им нечего иметь.

Антитеза жизни – труд, работа
с неискоренимым корнем «раб»...
Роботы, наказанные Богом,
из казарм выходят по утрам.

***

«Научиться бы жить», –
думал мальчик – учился на тройки,
а вчерашние сверстники
с лёгкостью делались старше.

Ночь. Настольная лампа.
Он учит уроки.
Смотрит в звёздное небо.
Молчит. И готовится к старту.

***

Ровесники, зачем не слышу вас?
Что ж листья слов никто не подбирает,
не клеит черепков разбитых ваз,
не чертит классиков и в бисер не играет?

Голодных нуворишей накормить

стране не хватит недр, и лес порублен,
родня, как речь родную сохранить?
Мы разучились говорить по-русски.

Не оттого ль, не ведая стыда,
бежали старшие в заморские европы,
что видели их дар – ненужный дар, –
кидались кто в стакан, кто в психотропы...

Иосиф русский, видишь ли ты нас?
Нам до тебя, как до Пекина раку.
Больна, бедна и кинута страна,
но есть ещё: рука, перо, бумага.

И три в одном соединив, – рискнём,
Впитав родное, отдали другое...
Язык не онемееет, если в нём
настырных несторов осталась горстка,

хотя бы горстка... До поры молчат.
Но вижу свечи в окнах то и дело...
Покажутся... Пока ж горит свеча,
и чай мне в вольных дольниках подельник.

***

Город – сад без буквы эС,
город – бездна, город – бес,
где кормильцы стариков –
грядки мусорных бачков.

Город, где для Бэ и А
слишком много труб, Виан
описал его давно.
Город, где и центр – дно

котловины. Город, где
воздух – яд и смерть в воде.
В кафкианских недрах шахт
камикадзе копошат.

Маленький мой Ленинград,
будешь ли ты сходству рад –
мертвые в снегу лежат
меж прохожих горожан.

Маяковая гора –
я стоял на ней вчера,
чёрный город под зимой –
корпус раковый ты мой.

Шприц, стакан и анаша –
вот отдушина, душа?
Спит изголодавший шкет,
сунув голову в пакет.

Город язв и гонорей,
ледящих батарей.
Смерть в натуре – натюрморт.
Здесь без глянца город.

Много красок чёрных, да?
Я согласен, «господа».
Что мне краски, что слова?
Я с натуры рисовал.

Здесь рождён и вырос я,
город, я ведь плоть твоя.
Осуди, коль сможешь ты,
что во мне твои черты.

***

1

Осень. Окончанье октября.
Кажется, последний день без снега.
Злым щенком чернеет небо неба,
и в рубин – закатная заря.

Сытые и тучные стада
неовец навеивает вечер.

Севереет. Я сижу у речки,
и глотает камушки вода.

2

Со строгостью монастыря
лес убран: беден и прекрасен.
В осиновом иконостасе
краснеют стигмы октября.

Неслышное моё «прости».
Всем. Одному. Одной. И небу
мой внятен стих. И горя нету,
и горсточка рябин в горсти.

3

Октябрь. Позавчера Покров,
а снега с неба не упало,
и рябчик слизывал по капле
рябиновую кровь.

Тепло. По-летнему тепло.
Лес словно терем после вора.
Стекло реки под небосводом
до льда недалежного текло...

4

Гляделись в реку синева
и красным писанные листья.
Октябрь. Бабья осень. Тишина.

Уже дописана глава.
Чернильные следы на лицах
грядущих туч. И бабья осень сочтена.

Но мы последние деньки
досмотрим солнечного света.
Октябрь неожиданно красив...

Костры у розовой реки,

и вялятся на голых ветках
червонные тугие караси.

5

Лезвие дождя наискосок
полоснуло холодом по горлу.
Осень полыхнула по пригорку,
догорает под дождём лесок.

Олово реки – виолончель.
В перекатах льдистым пиццикато
катится, царапая о камень
амальгамой солнечной ручей.

Холодно в болотных сапогах...
Обжигает, убегая, леска...
Из-за мрачно-тучной занавески –
первый снег... И к ноябрю – снега.

***

Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно вначале прижаться к земле,
влюбиться в земное, слиться с земным.
Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно слиться с землёю, раствориться в земле.

Может быть, чтобы увидеть землю,
нужно долго-предолго смотреть в небеса,
взмыть и плыть в небесах.
Может быть, чтобы приблизить землю,
нужно жить в небесах.